

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КОГНИТИВНО-КУЛЬТУРНЫХ ФАКТОРОВ ПЕРЕВОДА

И.А. Быкова

Кафедра иностранных языков № 1
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макля, 6, Москва, Россия, 117198

Статья посвящена сопоставительному исследованию когнитивно-культурных факторов перевода в рамках межкультурной коммуникации, непосредственно связанных с функционированием в дискурсе и интерпретацией номинаций, в основе которых лежат явления национальной культуры.

Ключевые слова: язык, межкультурная коммуникация, перевод, эквивалентность, когниция, смысл, имплицитность, языковая картина мира.

В современной науке о переводе особый интерес вызывают процессы, связанные с вопросами хранения знаний о мире и их структурированности, которые протекают при активном участии языка, образующего речемыслительную основу любой человеческой деятельности. Язык выступает в качестве средства передачи не только знания о языке и мире, но и таких экстралингвистических знаний, как, например, сведения о принципах речевого общения, адресате, социально-культурном контексте и др. Поскольку ни один из названных типов знания не относится к приоритетным, проникнуть в суть опосредованной межкультурной межъязыковой коммуникации возможно лишь при условии их изучения в совокупности и взаимодействии.

Проблемы культурных различий, равно как и вопрос о месте знаний культуры в переводческом дискурсе активно обсуждаются в современном переводоведении в связи с известным постулатом Дж. А. Касагранде «Переводятся не языки, а культуры» [11].

Исследование языковых явлений в антропоцентрическом ключе в условиях поликультурного пространства связывает их рассмотрение, среди прочих, с социокультурными и прагматическими факторами коммуникации, эффективностью речевого акта, лингвистическими и экстралингвистическими знаниями коммуни-

кантов (адресанта и адресата). В свою очередь, инвариантность восприятия культурных предметов, национально-культурных пространств того или иного лингвокультурного сообщества становится «ощутимой» при столкновениях с иной культурой [3. С. 68].

Выдающийся ученый и теоретик отечественной науки о переводе А.Д. Швейцер указывает в этой связи, что «перевод как деятельность характеризуется ориентированностью как на язык и культуру текста оригинала, так и на язык и культуру текста перевода. Соотношение этих двух полюсов оказывает сильное влияние на перевод» [10. С. 61]. Для успешной коммуникации требуется наличие когнитивного пространства, в котором определенным образом объективируются структуры знания и человеческого опыта, осмысления мира и его оценки с помощью языка. Из этого следует, что дифференциал в знаниях и экстралингвистическом опыте языковых коллективов исходного языка (ИЯ) и языка перевода (ПЯ), концептуальная информация, существующая в сознании коммуникантов в ее вербальном и невербальном воплощении, становятся определяющими для понимания смысла дискурса и, соответственно, его адекватной передачи средствами другого языка, иначе — эффективности акта перевода.

«В языке действительность отражается не прямо, непосредственно, а опосредованно сознанием людей. Вместе с тем, и лексическая системность проявляется в сознании носителей языка не прямо, но в виде некоторого выбора каких-то единиц, элементов системы, необходимых для выражения мыслей и соответствующих (по целому ряду параметров) акту общения» [9. С. 53].

Подобное понимание демонстрирует в условиях опосредованного дискурса тесную связь, существующую между знаниями о мире и знанием языка, позволяет более глубоко проникнуть в когнитивную картину мира и ее отражение в разных языковых общностях людей, а также ставит задачу исследования поведения слова в дискурсивной деятельности, в его реальном употреблении на основе концептуальных представлений пользователей конкретной пары языков, участвующих в акте опосредованного общения. Так, Г. Гадамер подчеркивал, что «понять нечто можно лишь благодаря заранее имеющимся относительно него предположениям, а не когда оно предстоит нам как нечто абсолютно загадочное» [2. С. 18].

«Теория перевода, стремящаяся к реалистическому отражению процесса межъязыковой коммуникации, не может пройти мимо того важного обстоятельства, что перевод является не только языковым (или, точнее, речевым) феноменом, но и феноменом культуры. В самом деле, процесс перевода «пересекает» не только границы языков, но и границы культур, а создаваемый в ходе этого процесса текст транспонируется не только в другую языковую систему, но и в систему другой культуры» [10. С. 14].

В условиях опосредованной межъязыковой межкультурной коммуникации представления, зафиксированные с той или иной степенью точности в коллективном сознании членов одного социума, как правило, отсутствуют в другом; изменяются сами пресуппозиции общения, что приводит к изменению когнитивного состояния переводчика (новое знание, новые коммуниканты, иные соци-

альные условия взаимодействия и т.п.). Возникает необходимость установить корреляцию между разными ментальными мирами, в результате чего иноязычный адресат получает возможность изменять или выстраивать в своем сознании новое ментальное пространство в соответствии с имеющимися у адресанта представлениям об описываемом фрагменте картины мира (“*paladares*” (Cub.), “*economía golfa*” (Esp.)).

В силу того, что отправные точки теории перевода связаны с речевой деятельностью, т.е. коммуникативным уровнем, который предполагает выявление общих закономерностей взаимодействия лингвистических и экстралингвистических формантов смысла как в процессе порождения, так и восприятия текста в исходном языке и языке перевода, «именно когнитивный подход с его обращением к структурам знания и конвенциональным способам их объективации» [4. С. 10], иными словами, лексической объективации определенным знаком в конкретной коммуникативной ситуации, представляет значительный интерес с точки зрения теории перевода и компаративистики в целом, где перевод используется в качестве метода сопоставления. Так, например, сопоставление испанских, английских и русских лексикологических фактов позволяет наглядно выявить двуплановую национальную специфику испанского и английского языков, которая ярко проявляется в безэквивалентных и фоновых лексических единицах (ЛЕ) как знаках конкретной сложившейся в данных культурно-исторических и социально-экономических условиях ситуации [1. С. 35] (ср.: «*дедовицина*» (Рус.) — “*novatadas militares*” (Esp.) — “*hazing*” (Am.); “*momios*” (Chile) = *reaccionarios* (Esp.); “*escoria, gusanera, gusanos*” (Cub.) = *contrarrevolucionarios* (Esp.); “*box*” (Am.) — “*tube*” (Brit.): “*Less box, more books*”; и т.п.).

Принято считать, что когнитивные пространства национально детерминированы и маркированы. Принятие переводческого решения, как правило, определяется своеобразием языков, участвующих в переводе, сходством и расхождением при сопоставлении национальных языковых картин мира, особенностями действительности исходной культуры и т.д., в силу того, что тексты создаются на конкретных языках, в конкретных социально-культурных условиях и характеризуются принадлежностью к определенной культуре. Как справедливо отмечает Е.А. Нотина, «семиотическое родство языка и культуры позволяет рассматривать их во взаимосвязи, дает возможность исследовать функционирование текстов в национальном языке, национальной культуре, социально-общественной жизни всего мирового сообщества» [7. С. 123].

Становится возможным «проследить связь языка с другими когнитивными способностями, особую роль языковой обработки данных, приходящих по всем остальным каналам информации, зависимость организации языка от принципов восприятия мира и его концептуализации человеком» [6. С. 13]. Когнитивные основания категоризации мира, наличие связи между структурированностью определенного отрезка действительности, его ментальной организацией и языковым выражением в условиях перевода становятся ключевыми в обеспечении эквивалентности, адекватного декодирования смысла дискурса и, соответственно, его

адекватной передачи средствами другого языка, иными словами, всего, что связано с центральными понятиями и категориями перевода как науки.

Изучение и интерпретация номинаций, в основе которых лежит соответствующее явление национальной культуры и конкретные модели ментального пространства, раскрывают специфику когнитивного процесса, протекающего в рамках перевода и межкультурной коммуникации.

Имена, как известно, воплощают социально-исторический опыт носителей определенного языка, входят в состав знаний и представлений, формирующих культурную компетенцию. За стереотипно воспринимаемыми именами стоит комплекс национально-культурных, исторических, социальных ассоциаций, которые структурируют общепринятую культурную парадигму и образуют своеобразную когнитивную базу данных конкретной лингво-культурной общности, в чем, по сути, проявляется «организующая и упрочивающая роль языка в самом членении и восприятии мира, в активизации сознания на те или иные аспекты и детали действительности» [4. С. 17].

Специфика человеческой мысли, таким образом, ее универсальные и идиоэтнические черты находят свое отражение в актуализации содержания имени, или определенной знаковой ситуации, обусловленной психологическими, эмоциональными и прочими составляющими, в основе которых лежит когнитивный опыт носителей конкретного языка и культуры. Всем известны русские народные сказки и их знаменитые персонажи — Иван-царевич, Василиса-красавица, царевна-лягушка, серый волк и, конечно же, баба-Яга, старая карга.

Если проследить истоки данного словосочетания в аспекте межкультурной коммуникации, можно выяснить, что под пластами лингвистических и экстралингвистических особенностей данного номинативного комплекса скрывается наличие некоего общего прообраза или архетипа в русском и турецком языках. Так, «иной раз, чтобы совершить психологическое открытие, достаточно... протереть смысл, под завалами отложения откопать первозданность» [5. С. 17]. По мнению Н.С. Трубецкого, «так складываются отношения языковых единиц... восходящих исторически к диалектам некогда единого „праязыка“... Случается, что несколько языков одной и той же географической и культурно-исторической области обнаруживают черты специального сходства, несмотря на то что сходство это не обусловлено общим происхождением, а только продолжительным соседством и параллельным развитием» [8. С. 18].

Следует признать, что в русском языке и культуре в целом данное словосочетание не просто фиксирует конкретные структуры знания, но и запечатлевает некоторую порождающую среду (сказочный дискурс), способствует легкости воспроизведения, восприятия и понимания сказанного. В данном случае конкретная форма языкового представления (*Яга, старая карга*) выступает в роли основной формы репрезентации знаний в памяти и сознании человека, воспитанного в русской культурной традиции, является своего рода образцом прецедентного текста.

Согласно лексикографическим источникам, «карга» означает ‘злая и безобразная старуха’; «яга» — «в русской сказке: то же, что баба-яга» [12. С. 268; С. 912].

С точки зрения этимологии данных слов представляется достаточно трудным проследить источник заимствования данных лексических единиц (ЛЕ) в русский язык. Однако нельзя не заметить, что по форме (графически и фонетически) обе ЛЕ полностью совпадают с турецкими “*karga*” (карга) и “*yađı*” (ягы), причем элементы, входящие в состав значения данных слов в турецком языке, выражают, уточняют и усиливают признаки и конституирующие свойства, по которым становится возможным актуализировать значение данных ЛЕ в русском языке и культурной традиции (наиболее репрезентативно этот образ представлен в иллюстрациях к русским народным сказкам, в частности, постоянные превращения бабы-яги в черную ворону в рисунках начала XX века И.Я. Билибина).

Так, в турецком языке ЛЕ “*karga*” означает зоол. ‘ворон’ (*Corvus*), ~ gibi очень худой, тощий; *kargacik* — кривой, искривленный, “*kargaburun*” — с крючковатм носом; в ЛЕ “*yađı*” — враг, противник, неприятель [13. С. 515; С. 903]. (Ср.: *tüyleri kara renkte, tarla ve bahçelere çok zarar veren kuş (Corvus); karga gibi çok zayıf ve esmer (kimse), karga yürüyüşü*, etc. [13. С. 1085 б]. Практически все элементы значения воспроизводят образ: черная *kara*, смуглый (о лице) *çok esmer*; очень вредная, вредоносная *çok zarar*, неугомонная, шумная *yürüyüşü* и т.д.).

Следует особо отметить, что негативная коннотация данного словосочетания, имплицитно присутствующая в русском языке, восходит к составляющим значения, указанным в лексических единицах в турецком языке. Согласно опросу информантов, ЛЕ “*karga*” (карга) обозначает «неприятную злобную старуху с хриплым голосом и соответствующим характером» — практически то, что в русской традиции принято называть «старой каргой или старой ведьмой» (Ср.: *karga kendimi kuş bilir* — ворона мнит себя птицею).

Турецкая ЛЕ “*yađı*” (ягы) означает ‘*düşman, hasım*’, враг в прямом и переносном смысле [13. С. 2106]. В русском языке определение значения номинативного комплекса, его коннотация дается через информацию о конкретной коммуникативной ситуации в действии (русской сказке), где «яга» воплощает в себе зло для человека, его беспощадного врага, практически его антипода (стремление «полакомиться человеченкой»), оборотня (превращения в черную ворону).

Таким обоазом, в номинативном комплексе «баба-Яга, старая карга», несущем в русском языке в целом негативную коннотацию, интериоризированы ментальные репрезентации и значительный пласт знания, присущие другому, а именно турецкому языку и культуре. При этом данные заимствованные ЛЕ настолько идиоматичны в русском языке и культуре, что не воспринимаются носителями русского языка как чужеродные элементы.

На наш взгляд, данные ЛЕ можно считать своеобразными символами взаимопроникновения и взаимовлияния соседствующих на протяжении столетий языков и культур, с одной стороны, а с другой — рассматривать в качестве своеобразных когнитивно-дискурсивных образований, позволяющих определить природу концепта, уровни членения информации и выделение в ней наиболее существенных для человека смыслов, раскрывающих сложную диалектику языка и речи.

Таким образом, в условиях межкультурной коммуникации подобный подход демонстрирует тесную связь, существующую между знаниями о мире и знанием

языка, позволяет более глубоко проникнуть в когнитивную картину мира и ее отражение в языковом сознании людей, принадлежащих к разным языковым общностям, а также ставит задачу исследования поведения слова в дискурсивной деятельности, в его реальном употреблении на основе концептуальных представлений пользователей конкретной пары языков, участвующих в акте опосредованного общения.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Быкова И.А.* Когнитивно-прагматические основы межъязыковой межкультурной коммуникации: текст, дискурс, перевод (теоретический курс). — М.: Изд-во РУДН, 2005. [*Bykova I.A.* Kognitivno-pragmaticheskie osnovy mezhyazykovoj mezhkulturnoj kommunikacii: tekst, diskurs, perevod (teoreticheskij kurs). — М.: Izd-vo RUDN, 2005.]
- [2] *Гадамер Г.Г.* Актуальность прекрасного. Философия и герменевтика. — М.: Искусство, 1991. [*Gadamer G.G.* Aktualnost прекрасного. Filosofiya i hermenevtika. — М.: Iskusstvo, 1991.]
- [3] *Красных В.В.* «Свой среди «чужих»: миф или реальность? — М.: Гнозис, 2003. [*Krasnyx V.V.* «Svoj sredi «chuzhix»: mif ili realnost? — М.: Gnozis, 2003.]
- [4] *Кубрякова Е.С.* Слово в дискурсе // Текст и дискурс: Сб. науч. тр. Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2002. — С. 7—10. [*Kubryakova E.S.* Slovo v diskurse // Tekst i diskurs: Sb. nauch. tr. Ryaz. gos. ped. un-t im. S.A. Esenina. — Ryazan, 2002.]
- [5] *Леви В.Л.* Искусство быть собой. — М.: Знание, 1991. [*Levi V.L.* Iskusstvo byt soboj. — М.: Znanie, 1991.]
- [6] *Макарова И.А.* Языковая способность как объект интерпретационного подхода в психолингвистике // Текст и дискурс: Сб. науч. тр. Ряз. гос. пед. ун-т им. С.А. Есенина. — Рязань, 2002. — С. 11—17. [*Makarova I.A.* Yazykovaya sposobnost kak obekt interpretacionnogo podxoda v psixolingvistike // Tekst i diskurs: Sb. nauch. tr. Ryaz. gos. ped. un-t im. S.A. Esenina. — Ryazan, 2002. — S. 11—17.]
- [7] *Нотина Е.А.* Общий и сопоставительный анализ языкового оформления структурно-композиционной организации научной статьи // Вестник РУДН. Серия «Иностранные языки». — 2004. — № 1. — С. 123—128. [*Notina E.A.* Obshhij i sopostavitelnyj analiz yazykovogo oformleniya strukturno-kompozicionnoj organizacii nauchnoj stati // Vestnik RUDN. Seriya «Inostrannye yazyki». — 2004. — № 1. — S. 123—128.]
- [8] *Трубецкой Н.С.* Вавилонская башня и смешение языков // Вавилонская башня: Слово. Текст. Культура. — М.: МГЛУ, 2002. — С. 11 — 25. [*Trubeckoj N.S.* Vavilonskaya bashnya i smeshenie yazykov // Vavilonskaya bashnya: Slovo. Tekst. Kultura. — М.: MGLU, 2002. — S. 11 — 25.]
- [9] *Шахнарович А.М., Юрьева Н.М.* Психолингвистический анализ семантики и грамматики. — М.: Наука, 1990. [*Shaxnarovich A.M., Yureva N.M.* Psixolingvisticheskij analiz semantiki i grammatiki. — М.: Nauka, 1990.]
- [10] *Швейцер А.Д.* Теория перевода: статус, проблемы, аспекты / Отв. ред. В.Н. Ярцева. — М.: ЛИБРОКОМ, 2009. [*Shvejcer A.D.* Teoriya perevoda: status, problemy, aspekty / Отв. red. V.N. Yarceva. — М.: LIBROKOM, 2009.]
- [11] *Casagrande J.B.* The Ends of Translation // International Journal of American Linguistics. — Vol. XX, #4, 1954. — P. 487—499.
- [12] Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1989. [Slovar russkogo yazyka / Pod red. N.Yu. Shvedovoj. — М.: Rus. yaz., 1989.]

- [13] Турецко-русский словарь. Академия Наук СССР, ин-т Востоковедения. — М.: Русский язык, 1977. — 950 с. Multilingual yabancı dil yayinlari / Istanbul, 1999. — 950 p. Türkçe Sözlük. Türk Dil Kurumu Yayınları. Ankara, 2005. — 2244 [Turecko-russkij slovar. Akademiya Nauk SSSR, in-t Vostokovedeniya. — M.: Rus. yaz., 1977. — 950 s. Multilingual yabancı dil yayinlari/ Istanbul, 1999. — 950 p. Türkçe Sözlük. Türk Dil Kurumu Yayınları. Ankara, 2005. — 2244.]

INTERCULTURAL COMMUNICATION: COMPARATIVE STUDY OF CULTURAL AND COGNITIVE FACTORS OF TRANSLATION

I.A. Bykova

Chair of Foreign Languages
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

This article deals with certain aspects of intercultural communication, cognition and translation. These aspects concern comparative research of language phenomena, which are directly connected to the functioning in the discourse and interpretation of nominations based on national culture phenomena.

Key words: language, intercultural communication, translation, cognition, equivalence, sense, implicity, linguistic worldview.